

Поэт. Максим Горький

Набросок

Когда Шура, придя из гимназии, разделась и прошла в столовую, она заметила, что мама, уже сидевшая за накрытым столом, улыбнулась ей как-то особенно. Это обстоятельство тотчас же задело любопытство Шуры, но она была уже большая и сочла ниже своего достоинства выдавать себя вопросами. Она молча поцеловала маму в лоб и, мельком взглянув на себя в зеркало, села на своё место. Тут ей опять бросилось в глаза нечто особенное – стол был сервирован "по-парадному" и на пять персон. Значит, кто-то приглашён обедать, только и всего. Шура разочарованно вздохнула. Она хорошо знала всех знакомых папы с мамой и тёти Зины – среди них положительно нет ни одного интересного человека. Господи! Какие все они скучные, и как вообще скучно на свете...

– Это кто? – кивнув головой на прибор, равнодушно спросила Шура.

Прежде, чем ответить ей, мама посмотрела на свои часы, потом на стенные, потом, наклонив голову в сторону окна, к чему-то прислушалась и, наконец, улыбнувшись, сказала:

– Угадай...

– Неинтересно... – сказала Шура, чувствуя, что любопытство вновь вспыхивает в ней. Она вспомнила, что горничная Люба, отворяя ей дверь, тоже как-то особенно сказала:

– Пож-жалуйте!

Люба вообще очень редко говорила "пожалуйте" и никогда ещё не говорила именно так, с жужжанием. Шура очень хорошо помнит это, ибо малейшая новая чёрточка в скучной, установившейся в тесные рамки домашней жизни семьи производит очень заметную рябь на её спокойной поверхности и хорошо запоминается жаждущей впечатлений головкой Шуры.

– А может быть, и интересно... попробуй, угадай, – снова предложила мама.

Вспомнив интонацию Любы, Шура уже была уверена, что интересно, очень интересно, но спросить прямо ей было почему-то неловко.

– Кто-нибудь приехал... – якобы равнодушно сказала она.

– Несомненно, – кивнула головой мама... – Но кто?

– Дядя Женя, – предположила Шура, чувствуя, что у неё на щеках выступала краска.

– Нет, это не родня... Это однако кто-то, кого ты – любишь...

Шура сделала круглые глаза... но потом вдруг сорвалась с места и бросилась на шею мамы:

– Мамочка! Неужели?

– Постой, постой, – смеясь, мама отталкивала её от себя, – не нужно быть сумасшедшей! Ну... вот я ему всё это скажу!

– Мамочка! Крымский? а? Приехал? Папа его встречает? да? И тётя Зина? Ведь они сейчас, сейчас будут... Мамочка, я надену серое платье! Ах, едут! Приехали!

Вся красная и взволнованная – она прыгала около стула матери, потом бросилась к зеркалу, побежала было к себе переодеваться, но, услышав, как внизу щёлкнул замок двери, снова воротилась к зеркалу, поправила причёску и степенно, подавляя своё волнение, села на своё место и закрыла глаза. Когда она откроет их, в этой комнате, так близко, всего только через один стул от неё, будет сидеть Крымский... Тот поэт, стихами которого она зачитывалась и который в гимназии считался самым лучшим поэтом из всех современных. У него такие нежные, ласкающие

Поэт. Максим Горький gorkiymaxim.ru

стихи, такие звучные... грустные... Господи! И вот он, живой, будет так близко к ней, будет говорить, читать свои новые произведения, которых в гимназии её подруги еще не могут знать! "Ах, какую вещь написал Крымский!" - скажет она им завтра, они спросят её - какую; она прочитает им; тогда они спросят, где это напечатано, и она скромно, непременно скромно! - скажет: "Ах, это ещё не напечатано. Это он вчера читал мне у нас за обедом!.."

Какое изумление, какая зависть! Эта злючка Кикина - что с ней будет? Узнает она, что лучше: иметь сестру певицу или знакомого поэта? А все остальные!.. Будут просить: "Шура, покажи нам его!.." А... а вдруг он влюбится в неё? О! Это возможно... потому что он поэт... Поэты всегда влюбляются сразу... Господи! Какие у него усы? Глаза... большие и грустные, с тёмными кругами под ними... Нос орлиный... а усы чёрные. "Шура! - скажет он, ломая руки и падая пред ней на колени, - Шура! Я увидал вас, "и заря новой жизни предо мной запылала, и проник в моё сердце трепет чудных надежд... Это вы! Я клянусь - вас душа моя знала..." Ах, он написал уже эти стихи! Значит..."

- Духота, пыль, какие-то изумительно едкие запахи... Всю ночь я не мог уснуть...

Голос, вернувший Шуру в мир действительный из мира поэзии и грёз, был очень мягок и симпатичен, хотя в нём и звучали хриплые, брюзгливые нотки избалованного человека. Шура открыла глаза и поднялась со стула навстречу подходившему к ней высокому худому человеку, в чёрной бархатной тужурке и широких серых брюках.

- Здравствуйте, барышня... Вы забыли меня, да? Ну, конечно...

- Я... - смутилась Шура, - я всегда читаю ваши стихи... но я была маленькая, когда вы были у нас...

- Но... теперь вы большая, - окидывая её взглядом, улыбнулся поэт, хотел ещё что-то сказать, но только пожевал губами, как это делают старики, и опустил на стул, говоря папе Шуры:

- А славно, уютно у тебя, Михаил...

Шура, опустив головку, смотрела в свою тарелку и на её гладкой поверхности восстанавливала образ поэта. Ей не нравились его серые брюки, стриженная голова и жидкие рыжие усы - о, всё это было крайне прозаично.

Потом эта манера жевать губами, синеватые бритые щёки, и подбородок... глаза очень светлые, пожалуй, бесцветные, мешки под ними, широкий лоб в морщинах... Он совсем как один чиновник на почте, и с внешней стороны в нём ничего, ничего нет поэтического... А какие у него руки? Шура искоса посмотрела на них... Они были пухлые, с короткими толстыми пальцами. На одном пальце перстень с агатом. Шура вздохнула, чувствуя, что ей грустно.

- Так вы читаете мои стихи?

Это он ей говорит... Она кивнула головой, покраснев.

- Ну, и что же... могу спросить - нравятся они вам?

- О, да они тут с ума сходят от ваших стихов, - сказала мама.

- А! Это мне лестно...

- Вовсе нет, это неправда, - быстро возразила Шура на слова мамы, но её возражение раздалось уже после слов поэта...

Девочка смутилась - это вышло глупо... А папа, мама, тётя и он смеются... Он даже брови поднял зачем-то, и лицо у него стало клоунское... Зачем он поднял брови? И зачем смеётся вместе со всеми? Он - поэт и должен быть чуток, деликатен... Разве ему может казаться смешным румянец её смущения, как это кажется другим, разве он такой же, как все? Он, наверное, притворяется, чтоб не показаться папе и маме нелюбезным... Потом он будет самим собой...

- А вы, Шура, в каком классе?

- В шестом...

Зачем ему знать это? И почему он называет её Шурой?

- А кого из учителей вы обожаете? Учителя рисования, конечно?

- Слов...

- Ах да, учителя словесности... - Раздался оглушительный хохот...

Шуре казалось, что её рвут на части, щиплют, вонзают ей в тело тысячи булавок. Она хотела выскочить из-за стола и убежать куда-нибудь. Ей стало холодно, и она боялась, что не сдержит слёз... Как это она проговорилась?.. Дрожа от охватившего её негодования, она взглянула в лицо поэта глазами, в которых вспыхнул злой и нервозный огонёк, и скороговоркой, боясь, что у неё не хватит сил сказать всё, что она хочет, начала, ломая под столом пальцы:

- Это смешно вам? Но это не может быть смешно - он лучший из всех учителей, и мы его все очень любим... Он интересно говорит... и читает нам... разные книги... указывает, что есть нового в литературе, и вообще... он очень хороший человек... Спросите, кого хотите, и в нашем классе и в седьмом. Зачем же смеяться? Конечно, я...

- Шурка! Что это ты? - воскликнул папа.

- Мы обидели барышню, - ласково сказал Крымский. - Я извиняюсь...

Шуре было неприятно слушать его извинения, - ей казалось, что они неискренны и что ему совсем неинтересно знать, как она отнесётся к его словам... И вообще она почувствовала себя чужой и ненужной всем им... Ей стало жалко себя, и до конца обеда она просидела точно в тумане, прислушиваясь, как нарастает грусть в её сердце, тихая, щемящая грусть.

"Так вот он какой, поэт! Такой же, как все", - думала она после обеда, сидя у окна в своей комнате и пристально, как что-то новое, рассматривая свои любимые кусты сирени в саду под её окном.

"Как все... Но... почему же тогда папа не пишет стихов? Разве он хуже этого?" - И она вспоминала ласкающие сердце, задумчивые строфы поэта, рифмованные фразы, в которых так много грустной нежности. Он ни словом не упомянул о них за обедом. Должно быть, он привык писать их, как Соня Сазикова привыкла делать свои чудные цветы из папиросной бумаги. Все ей завидуют, а она смеётся и изумляется - ведь это же так просто!..

В саду раздалась голоса: это папа с Крымским. Если они сядут на скамью за сиренью, она услышит весь их разговор до слова. И, вытянув шейку, Шура с горячим любопытством посмотрела - куда они идут.

- Ну, а как покупают твой последний сборник? - спрашивал папа.

- Ничего, идёт. Думаю о втором издании. Но покупают больше из любопытства, а не из действительной потребности в поэзии. Эта... наша убогая критика, при выходе сборника, прокричала - декадентство! Публике интересно знать, что такое, наконец, это декадентство, о котором так много говорят и никто ничего ясного не может сказать. Ну, и я выигрываю... покупают, желая полюбопытствовать о декадентстве...

Голос Крымского был грустно-насмешлив, в его речи звучала обида, и эта нотка нашла родственный отзвук в маленьком сердечке девочки, подслушивающей у окна.

- Да-а, - сказал папа, - критика сурово относится к вашему брату.

- Все требуют гражданских звуков мести и скорби... Сидя в своих старых гнёздах, они полагают, что на мечь и скорбь в жизни есть спрос... Совсем напрасно... никаких граждан в жизни нет, есть в ней люди глупые и самодовольные и люди измученные и не довольные ничем... А больше ничего нет... Господам критикам это печальное обстоятельство неизвестно... Они имеют дело с книгами, а не с жизнью, со старыми традициями, а не с новыми веяниями... Молодёжь? "Молодёжь, друг мой,

Поэт. Максим Горький gorkiymaxim.ru
ныне родится стариками", неопровержимо сказал кто-то... Ей очень мало дела до поэзии и до всего того, что могло бы очистить душу. А впрочем, бросим эту скучную тему... Какая хорошенькая дочь у тебя...

- А, поэт! ты уже заметил?

- Милый! - сконфуженная и вся красная от радостного волнения прошептала Шура. Из его слов она заключила, что он не понял и жалуется на это. Он снова стал поэтом в её глазах. А потом эта неожиданная похвала ей...

- Кстати, извини за нескромный вопрос...

- О жене? Ну, брат, я не знаю, где она... Года два тому назад слышал, что она где-то на Кавказе учительницей... Уф! не могу без ужаса вспомнить о ней... Есть женщины, способные чистотой своей добродетели и наивностью своего мозга внушать только ужас, искренний ужас мне, праху от праха. Моя супруга принадлежит именно к этому сорту женщин... Мне никогда не было жалко себя так сильно, как в то время, когда я раскусил её сердце... сердце христианки, которая хочет во что бы то ни стало страдать, - скучный персонаж... А что, нам скоро дадут чаю?

- Скоро... но ты не на тему говорил - я хотел спросить тебя, как ты теперь живёшь... семейно или же в одиночестве...

- С мая в одиночестве. Зимой жил с одним ангелом... Курьёзная история, дружище! Поклонница моего таланта, девочка с огоньком и не без образования, что, впрочем, не мешало ей быть классической дурёхой... Сошлись мы с ней совершенно случайно... по крайней мере, с моей стороны не было ничего преднамеренного. Выпил я малость: дело было на загородном пикнике... Чёрт знает, как она очутилась у меня на квартире... только утром я просыпаюсь, смотрю: женат! Поздравил себя, оделся и жду, что будет дальше...

Папа громко хохотал, и девочке казалось, что звуки его смеха раскалывают внутри её что-то. Это было очень больно ей.

- Ах, дьявольщина... н-ну?

- Ну, проснулась. Последовали слёзы... миллион поцелуев и столько же клятв. С неделю мы отчаянно бесились, и я порядочно измучился с ней...

- А родители?

- Скрыто. Потом жизнь понемногу начала вступать в свои права, и началось... чёрт знает что! Прежде всего она начала доказывать мне, что мои нежные, чудные, чарующие душу стихи совершенно не гармонируют с моим халатом, - вещь, за которую я заплатил шестьдесят пять рублей... Я протестую, она плачет. Скандал! В конце концов оказывается, по её представлению, поэт - существо до такой степени неземное, что в квартире его даже не должно существовать то помещение, в которое, по силе физиологических законов, необходимо иногда ходить и поэту. О, чёрт возьми это идиотское воспитание, которое так квасит мозги женщин! Начались споры, слёзы, истерики, ссылки на материнство... требование уступок на всех пунктах. Я сбежал и написал ей прозой, что поэту прежде всего необходима свобода.

- Ну и что же? - медленно спросил папа.

- Плачу ей по двадцать пять рублей в месяц...

Шуре было холодно, и она вся дрожала мелкой нервной дрожью, продолжая смотреть в сад широко открытыми глазами...

- То-то последнее время твой пессимизм зазвучал так громко...

- Ты читал "Воспоминаний пёстрая толпа во тьме ночной передо мною вьётся"?

- Ну?

- Вот там изложено всё впечатление... весь осадок этой глупой истории.

Поэт. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Хорошо изложено... - вздохнул папа. - Вообще, брат, ты великий мастер ясно изображать "волнений сердца смутные узоры".

- Ба, а ты, однако, и в самом деле меня почитываешь?

- И даже очень. Без лести говоря, у тебя прелестный стих...

- Спасибо! Это не часто приходится слышать, хотя я - буду откровенен знаю, что заслужил такой отзыв...

- Бесспорно, брат! Идём чай пить...

- Ты посмотри, кто нынче пишет и как пишет? Живоде́ры, а не поэты, насилуют язык, истязуют его... Я ценю это сокровище, стараюсь...

Шура видела, как они шли по саду рядом и папа обнимал поэта за талию... Вот их голоса стали неясны, пропали.

Шура выпрямилась на стуле медленно, так, как бы на ней лежало что-то тяжёлое и ей ужасно трудно было шевелиться...

- Шура, иди чай пить! - донесся до неё голос мамы. Она встала, пошла и, проходя мимо зеркала, видела, что лицо у неё бледное, осунувшееся, точно испуганное. И в глазах её было так туманно, что, когда она вышла к столовую, знакомые лица являлись пред ней какими-то бесформенными белыми пятнами.

- Надеюсь, что барышня уже перестала сердиться на меня? - донёсся до неё голос поэта.

Она молчала, глядя на его гладко стриженую голову и стараясь вспомнить, каким он, этот человек, казался ей, когда она читала его стихи и не знала его?

- Шурка, что же ты молчишь? Как вежливо! - воскликнул папа.

- Ах! - вскричала она, вскакивая со стула, - что нам надо? Отстаньте от меня... Обманщики...

И, с рыданием бросившись вон из столовой, она ещё раз истерически крикнула:

- Обманщики!..

...Несколько секунд четверо людей за столом сидели молча, изумлённо поглядывая друг на друга. Потом мама и тётя ушли.

- Уж... не слышала ли она наш разговор? - спросил папа поэта.

- Чёрт возьми! - смущённо воскликнул тот, заёрзав на стуле.

Вошла мама и на обращённые к ней вопросительные взгляды ответила, недоумевая, пожав плечами:

- Плачет...

1896 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!